

Иосиф РОГАЛЬ

СТЕКЛОДУВ

Повесть

Меня, безудержно мечтавшего стать городским человеком с рабочей профессией, забросило в Днепропетровск. Мне было пятнадцать лет. Стояла по-южному теплая июньская пора.

Целыми днями я бродил по гулким улицам и читал все подряд объявления, наклеенные на щитах горсправки, на досках у проходных заводов, на воротах цехов и мастерских, на телеграфных столбах. Везде «Требуются...», «Требуются...», «Требуются...».

Эти слова вселяли в меня большие надежды и неустанное желание продолжать поиск.

Когда я читал длинные и короткие столбцы названий профессий, обладатели которых приглашаются на работу, мое сердце начинало учащенно биться, если взгляд встречал слова «требуются разнорабочие». Я немедленно шел в отдел кадров, местонахождение которого указывалось в конце объявления.

Сообщив кадровику, что я пришел по объявлению и очень хочу у них работать, слышал в ответ:

— Покажите ваши документы.

Я протягивал сложенное вчетверо свидетельство об окончании семи классов сельской школы. Принимая его, кадровик добавлял:

— А паспорт?

— У меня нет паспорта, — искренне и не осознавая значения этого факта, отвечал я.

— Как нет? — удивленно, но спокойно говорил собеседник. Однако поняв, что имеет дело с сельским парнем, и читая в моих глазах надежду, граничившую с мольбой, мягко, а порой с неподдельным сочувствием продолжал:

— Думаю, вы нам подошли бы, но паспорт необходим, без него нельзя принять, в том числе и разнорабочим. А кроме того, в паспорте должна быть еще и городская прописка, — как бы просвещал меня он. — Так что извините, дорогой, — и этим завершал беседу.

Примерно такие же ответы ежедневно получал я, обходя многие предприятия, включая металлургические и машиностроительные заво-

ды, швейные, ткацкие и другие фабрики различных масштабов, автоколонны, гаражи и еще немало разных мест, где нужны были работники.

Из объявлений впервые узнавал о существовании таких специальностей, как литейщики, шихтовики, прокатчики, формовщики, такелажники, фрезеровщики, резьбонарезчики, штамповщики, прессовщики, а также забойщики, мездровщики, обвальщики, о которых ничего не знал и раньше не слышал.

И все же каждый отказ ничуть не уменьшал моего оптимизма, и я продолжал свои поиски. А когда встречал объявления «Приглашаются ученики» по таким-то рабочим специальностям, моя надежда крепчала! Я твердо верил, что на каком-нибудь предприятии меня все же трудоустроят и из меня получится хороший рабочий. Душа моя просто кричала, что я буду способным учеником, что любое дело освою в предельно короткий срок и что самая сложная работа будет мне по силам. Нередко даже представлял, как иду по цеху большого завода в рабочей одежде, а мне вслед кивают старики и шепчутся: «Очень способный парень».

Именно с этим предвкушением радости и гордости я продолжал ходить по городу целыми днями. А к вечеру шел к Днепру, где поднимался на высокий бетонный мост. Я очень люблю мосты. На них рождаются сладкие романтические мечты.

С высоты моста был виден весь город. И пока еще не стемнело, я старался определить, в каком месте побывал, получая отказы. Но что поделаешь, всему помехой оказался этот паспорт. Признаться, я даже не представлял, как он должен выглядеть. Из всех необходимых документов реально знал только, что собой представляют справка и свидетельство об окончании семи классов.

Позже я узнал, что у нас, в сельской местности, паспортов не выдавали. Запрещалось законом. А без него колхознику дорога в город закрыта. Ну а если крестьянину очень нужно было жить или работать в городе, то колхоз выдавал справку о том, что он отпускает этого человека. Но никто из моих односельчан, в том числе и семейных, не обращался в колхоз за такой справкой, хотя ездили на сезонные заработки буквально каждое лето. Да и местное начальство не возражало при избытке рабочих рук на селе. К тому же в колхозе платили заработную плату только по итогам года.

Стоя на мосту, я смотрел на расстилавшийся перед глазами огромный город, освещенный тысячами вечерних огней. Казалось, добрая половина города выключила станки и села на перекур. Но над огромными трубами доменных и мартеновских печей в вечерней тьме лизали небо гигантские языки красно-желтого огня. На стройках непрерывно мигали синие точки сварки. Город не спит и ночью. Он трудится.

А подо мной раскинулся городской парк имени Шевченко. Я не без усилий отрываю глаза от труб заводов и перевозу взгляд на него, куда, как только стемнело, со всех сторон потекли людские реки, сливаясь в широкий водоворот. Где-то на танцплощадке играет эстрадный оркестр. Медленно, как огромная небесная корона, сверкая кругом разноцветных лампочек, вращается колесо обозрения. Не перестают взлетать лодки-качели, глухо чиркая киями по пружинящим колодкам деревянных тормозов. Шумит пропеллерами «петля Нестерова». На перекрестках аллей плотными кучками людей окружены мороженицы в белых курточках. Щелкают, как кузнечики, подсвеченные автоматы газированной воды. И всюду снуют люди.

Я долго смотрю с высоты на это людское море и почти вслух говорю себе: «Неужели в этом огромном городе, где нужно столько рабочих рук, не найдется мне место? Неужели один человек больше тут не пригодится, будет лишним? Не может быть! Я буду здесь работать!»

И эта мысль не покидала меня. Я продолжал поиски.

На третьей неделе, проведив очередной день по объявлениям и получая отказы, к вечеру поднялся на мост и до полуночи любовался с высоты всё тем же бурным кипением летней жизни города. А когда из ближайшего динамика донеслось: «Московское время — двадцать четыре часа» — и затем зазвучал гимн Советского Союза, я спустился с моста и не спеша пошел в сторону, противоположную общему потоку, намереваясь в очередной раз оказаться на пляже в кабинке для переодевания на так называемом Комсомольском острове.

Проходя мимо толстой бетонной опоры, заметил на слабоосвещенной ее поверхности наклеенный лист бумаги. Это было объявление. Не очень ровными буквами, выведенными цветным карандашом, сообщалось, что кирпичному заводу требуются рабочие. «Неужели и на кирпичном заводе не примут?» — подумалось с долей пессимизма, но с каким-то предчувствием возможного положительного поворота.

Внизу листка значилось: «Обращаться в отдел кадров по улице Канатной, дом двадцать один» (или двадцать четыре, было не очень четко написано), но это меня не смущало, я понимал, что на одной улице двух кирпичных заводов быть не может. Листок срывать не стал, а проверив мысленно, что в памяти четко зафиксировался адрес, пошел к берегу, чтобы искупаться и лечь в кабинке для переодевания, матерчатый навес которой доставал до песка, и уснуть.

Улица Канатная ответвлялась от городского бульвара, разделенного пополам трамвайной линией. Трамвайную зону с обеих сторон окаймлял стройный ряд высоких деревьев.

От бульварной зоны Канатная улица уходила по склону вниз куда-то в полузаброшенную, полузаросшую, полужилую окраину. Полотно улицы было вымощено брусчаткой и во многих местах прогибалось в довольно ощутимые для колес автомобилей круглые и продолговатые углубления, отчего грузовики шли медленно не только вверх, груженные кирпичом, но и порожняком вниз, гремя кузовным снаряжением и рессорами. Вдоль улицы довольно удаленно друг от друга стояли трехэтажные одноподъездные дома, наружная штукатурка которых рождала мысль о бесхозности строений. Земля между домами покрывалась ковром низкой густой травы, именуемой «грудком» или «гусиной травой», с плешинами различных форм и размеров там, где чаще ходят люди и играют дети. Никакой ограды, насаждений, цветников или даже низких палисадников ни у одного дома не было. Следуя вниз по улице, не имевшей тротуаров, я дошел до места, где она упиралась в шлагбаум, за которым начиналась территория кирпичного завода. У шлагбаума никого не было. Его стрела смотрела в небо, как вскинутый охотничий ствол.

Пройдя шлагбаум, я увидел справа одноэтажное здание п-образного вида, которое моя фантазия восприняла как огромный двухтумбовый письменный стол, лежащий на боку. Окна «тумб» и «столешницы» выходили в сторону центра территории завода. Я подошел к зданию. Рядом с входной дверью первой «тумбы» росло огромное дерево с густой роскошной кроной, а под ним была скамейка в виде толстой доски, прибитой к двум вкопанным в землю чурбакам. Земля перед скамейкой

утоптана до блеска, и мне подумалось, что это место здешних посиделок. Оглядевшись, я понял, что вся территория завода — это котлован, из которого когда-то выбрали примерно пятиметровый слой глины. Дно котлована было ровное, как стол, а срезанные вертикально стены так и не утратили за годы следы от зубов ковша экскаватора. Вверху на стенах — густые кустарники с зарослями плюща и дикого хмеля, сползающими кое-где в котлован почти до его дна.

В центре довольно обширной территории завода — необычной формы кирпичное одноэтажное строение, вроде большого эллипса без окон. Несколько огромных металлических дверей по периметру находились на приличном расстоянии друг от друга.

С любопытством взглянув на это строение, я спросил у прохожего, где тут отдел кадров. Он указал на дверь рядом с деревом и скамейкой, хотя никакой вывески не было. Войдя в коридор, я увидел на внутренней двери картонку в рамке, на которой было написано: «Отдел кадров».

В маленькой комнате с сейфом сидела за столом у окна женщина лет сорока довольно приятной внешности. Ее красивое лицо с большими добрыми глазами обрамлялось густой и упругой копной подстриженных до плеч черных, как смоль, волос, которые слегка наезжали на лоб, а над ушами их прихватывали металлические заколки. Тем не менее боковые пряди падали к щекам, как только она наклонялась над столом, и ее пальцы часто возвращали их на место.

Скрывая свой слишком внимательный взгляд, я сказал:

— Примите меня, пожалуйста, рабочим на завод, я пришел по объявлению.

— У вас есть документы? — услышал спокойный вопрос. Комок горечи подкатил к горлу. Предполагая уже привычный отказ, протянул свидетельство о семи классах и добавил:

— Я обещаю очень хорошо работать! Буду стараться!

Не обращая внимания на мои заверения, она спросила:

— Кто у вас есть из родных?

Я сказал:

— Отец, мать и шесть братьев.

Многочисленность семьи ее не удивила. У меня в ушах звучали все варианты отказов, которые слышал до сих пор. И в мыслях оценил себя на предмет пригодности к работе на кирпичном заводе: почти метр восемьдесят рост, но очень худой, мышечная масса минимальная, хотя, думаю, по лицу видно, что без вредных привычек.

— Рано вам еще тяжело работать, но у нас работа только такая, — произнесла она с материнской заботой в голосе. Я чуть ли не крикнул:

— Я согласен! Я буду стараться, вот увидите! Примите, пожалуйста!

— У нас надо, — продолжала она, — вывозить из печи обожженный кирпич и складировать на территории завода. Работа сдельная, хорошую зарплату получить трудно. Надо быть очень крепким и выносливым.

— Я даю вам слово, что справлюсь! — твердо и убежденно произнес, удивив ее запальчивостью.

— Хорошо, — немного подумав, сказала она и, не рассматривая меня, уже нарочито добавила:

— Жить будете в этом общежитии, — и показала на дверь за окном в этом же здании, которую я видел, стоя у скамейки. — А за этой дверью, — она показала в окно на соседнюю дверь, — столовая. И если нет денег, можно до полочки кушать авансом.

Мне показалось, что меня посетил ангел!

— Когда исполнится восемнадцать лет, выдадим паспорт, а пока заведем трудовую книжку и пропишем в общежитии временно. Только так можно с иногородними. И еще раз говорю, работа очень тяжелая, но если согласны, то напишите заявление вот по этой форме, — и протянула мне один чистый, а другой заполненный бланки заявления. Присев, я заполнил заявление по образцу, и она, убирая его в сейф, сказала:

— Приказ о зачислении выйдет через несколько дней, а сейчас вот вам ключ от общежития, идите и размещайтесь, а завтра выходите на работу. Вам все покажет и расскажет мастер, — она протянула руку в окно в сторону эллипсоидного строения, стоящего к нам полукруглым торцом. Я поблагодарил, взял ключ и оказался один в общежитии.

Это была большая квадратная комната на четыре односпальные кровати. На железных кроватях с панцирными сетками лежали ватные матрасы, по две свежие простыни и по одеялу, на котором — подушка со сложенным на ней вафельным полотенцем. Кровати стояли вдоль стен так, что к окну доступ был свободный. В дальнем углу размещался двухдверный шкаф для одежды, а наверху — небольшой потертый чемодан. Ближе к двери находилась четырехугольная чугунная, эмалированная изнутри раковина умывальника. На пластмассовой полке стояли четыре стакана для зубных щеток, а над полкой — круглое зеркало.

Моей радости не было предела. Но приучивший себя к терпению и сдержанности, я никогда не выражал восторг. Вещей у меня не было, кроме тех, что на мне: одни шерстяные черные брюки, одна серая рубашка, одни полуботинки на ногах и одна майка. Зубная щетка без порошка и пасты валялась в кармане вместе с несколькими рублями и копейками.

Мысль, что я смогу получить паспорт, стать городским человеком с хорошей профессией рабочего, порождала во мне готовность переносить любые нагрузки и неудобства.

На следующий день, умывшись, я зашел в столовую, где уже, видимо, осведомленная повариха, ничего не спрашивая, предложила мне еду.

Позавтракав, иду к открытой двери в торце огромного эллипсообразного здания. На ходу обратил внимание на три двухэтажных дощатых, с растрескавшимися дверьми и оконными рамами старых барака, расположенных вдоль котлована.

Меня никто не встретил. В слабоосвещенном одной потолочной лампочкой помещении увидел две тачки, а за ними на стене заваленные непонятными для меня предметами полки. Из-за фанерной перегородки вышел крепкий высокий человек с очень загоревшим лицом, на котором блестели строгие, слегка прищуренные глаза, не обещавшие никаких поблажек. Видимо, уже осведомленный обо мне, как и повариха, он взглянул на меня и, сев за свой запыленный рабочий стол, сказал:

— Присаживайся.

Я устроился на стуле с протертой тканью на спинке. Он продолжил:

— Прежде всего я проинструктирую тебя по технике безопасности, — и достал из стола большую толстую книгу, положил перед собой.

Инструктаж закончился моей обязанностью расписаться в этой толстой книге, после чего он снова упрятал ее в стол.

Раздался гул машины, и мастер вышел встретить. Я из любопытства последовал за ним. Перед большой железной дверью, ближней к нашей, стоял грузовик с крытым, обшитым железом кузовом и с решеткой на окошке задней двери. Из кабины со стороны пассажира вышел человек в гимнастерке, перехваченной солдатским ремнем, которую оттопыривала кобура. Он протянул мастеру подписать на планшете какую-то бумагу, после чего водитель непонятным действием вызвал лязг замков, дверь открылась, и на землю прыгнули три человека в черных спецовках. Мастер взмахом руки дал знать, что они должны идти в массивную железную дверь, перед которой стояла машина, а обернувшись ко мне, попросил вернуться к его столу, куда пришел и он. Кивком головы указал присесть на тот же стул, а сам сел за стол и, словно в ответ на мои молчаливые вопросы, выражаемые взглядом, стал вводить меня в курс дела, будучи убежденным, что я соображаю и сам, но на всякий случай не лишне уточнить.

— Это из тюрьмы привозят мужиков на работу. Ту, что будешь делать и ты.

Я не без удивления спросил:

— И они не убегают?

— Им осталось сидеть год, и убежать нет смысла. Кроме того, им надо заработать денег на волю, а столько они нигде не заработают. Ну ладно, не будем терять времени, пойдём, — он встал из-за стола и показал на одну из тачек.

— Бери эту, она полегче. — А затем добавил: — Вот с нею иди и делай то, что и они.

Выйдя из помещения, я увидел необычную картину. Массивная железная дверь, куда зашли трое, была распахнута настежь. От нее по глубокому сыпучему песку двора тянулась шириной с ладонь стальная лента. Двигаясь туда, где были мужики, я испытал большую трудность управлять тачкой по глубокому песку, в то время как по бетонному полу она легко катилась. Приложив нужное усилие, я подъехал к ленте и, остановившись, взглянул, куда она ведет. Пересекая песчаное пространство двора, она тянулась метров сто и упиралась в длинные штабели аккуратно сложенных кирпичей. Штабели были расположены вдоль стены-обрыва в сторону шламбаума, откуда кирпичи время от времени забирали.

Все трое мужчин, голые до пояса и переодевшиеся из своей черной одежды в вытертые до предела брюки с обтрепанными штанинами, друг за другом на определенном расстоянии катили по железной ленте тяжело нагруженные кирпичом тачки в сторону штабелей. Одного только взгляда на их напряженные тела было достаточно, чтобы содрогнуться в душе, хоть я и старался не подавать виду.

Я шагнул вперед и вошел в огромные железные ворота, откуда они выехали. Тачка стала легко катиться, и мне пришло на ум поставить ее под загрузку подальше от двери, чтобы не помешать мужчинам, когда те вернутся. Оглянувшись, увидел, что помещение внутри является длинным тоннелем, заполненным до потолка рядами из кирпича, который заключенные грузят в тачки и вывозят, складывая в штабели.

Заполненный кирпичом тоннель, как и все здание, имел форму закольцованного эллипса и несколько дверей для вывоза кирпича. На одной из опрокинутых кверху дном металлических бочек, используемых, видимо, в качестве стремянок, когда кирпич отбирается с верхних подпотолочных рядов, лежала кучка новых брезентовых рукавиц. Я взял пару и надел.

Мужчины вернулись. Первый, поставивший свою тачку ближе к двери, выглядел крепче других. Я ему сразу мысленно дал звание физического лидера. Рост около двух метров, широкие плечи, мускулистые предплечья с выступающими мышцами и лопатками. Его широкое скуластое лицо обрамляла стрижка ежиком. Серо-каштановые волосы торчали вертикально даже на затылке. Второй мужик, стриженный наголо, был пониже и не такой мускулистый. Он постоянно широко улыбался, и его взгляд с хитринкой был рассчитан на то, чтобы вызывать у окружающих доверие. Третий был худой, как я, но мышцы все же чуть выступали под кожей, играя и напоминая жгуты. Он тоже был острижен наголо, но худоба резко отличала его от остальных.

На меня мужчины внимание вроде не обращали, и работа пошла. Когда они полностью наполнили свои тачки, в моей было только примерно одна четвертая часть. Выправившись, физический лидер взглянул в мою сторону и с басистой хрипотцой назидательно посоветовал:

— Не грузи сразу много. Удержать груженую тачку на узкой ленте непросто, нужна тренировка.

И они трое направили тачки к металлической полосе.

Моя устремленность к быстрому самоутверждению не согласилась со сказанным, и, когда они отъехали, я уложил в свою еще с десяток кирпичей. Кроме того, увидел, что где-то на уровне следующих дверей между рядами горит огонь, охватывая кирпичи, красные, как раскаленные болванки в горниле кузницы.

Услышав, что пустые тачки мужиков уже шуршат обратно по ленте, я откатил тачку по бетонному полу к дверям и, дав проехать встречным, начал свое первое движение. Тачка легко водила меня из стороны в сторону. Лента состояла из длинных стальных кусков, концы их лежали внахлест друг на друге, и когда тачка спрыгивала с одного конца на другой, то лежащий внизу играл в песке, и колесо тачки получало возможность скользить влево или вправо, куда наклоняется груз. Поэтому такое место стыка представляло настоящую ловушку для меня, еле удерживающего равновесие груза. С большим трудом, а скорее случайно, я проскочил несколько стыков, еле удерживая тачку в нормальном положении, но, добравшись где-то до середины пути, ручки тачки резко кинули меня в сторону, колесо соскочило в песок, тачка остановилась и легла на бок, высыпав половину кирпичей. Приближающийся сзади мужик, с огромным напряжением удерживая свой транспорт в повиновении, грудным голосом еще издали громко прокричал:

— Посторонись!

Не видя другого выхода, я изо всех сил рванул тачку в сторону и вывернул ручки подальше от ленты.

Проносясь мимо, он выдохнул сквозь зубы:

— Молодец, сообразил!

По логике вещей мне нужно было, пока они грузятся, поставить тачку на ленту, опять загрузить свой кирпич и довести до штабелей. Зная о риске повторения случая, я решил отвезти кирпич за два раза, что и получилось успешно.

Вернувшись в печь обжига, как официально называли это строение, а в разговорах просто печь, я поставил тачку под загрузку и, набравшись смелости, спросил у энергично грузивших каждый себе кирпич мужиков:

— А сколько вы кладете за один раз?

Лидер, как я сразу окрестил его, сказал:

— Примерно двести штук.

Прикинув в уме, что кирпичина весит около трех килограмм, и умножив на количество, понял, почему ручки их тачек, даже окованные металлическими уголками, прогибаются при движении по ленте, а сами они мгновенно реагируют, меняя положение широко расставленных ног при малейшем качке груза.

Получается, что в первый раз положил примерно пятьдесят кирпичей, это сто пятьдесят килограмм, но и с этим весом не справился.

— Клади пока еще меньше,— сказал средний по комплектности мужик, проезжая мимо. Мне было стыдно, я не хотел класть меньше, а планировал ежедневно увеличивать груз на три — пять кирпичей, чтобы сравняться хотя бы с худым мужиком, не говоря уже о лидере. Ясно было, что если он кладет двести, то второй мужик осиливает примерно сто восемьдесят, а третий в районе ста пятидесяти. Но в этот день, проверяя себя, я действительно вторую и последующие тачки нагружал меньше и перевез груз благополучно.

— Вот видишь! — в подтверждение своей правоты сказал второй мужик, хитро улыбаясь. А третий, худощавый, но жилистый, как трос, добавил:

— Правда, и зарплата будет копеечной.

А когда смена закончилась и послышался гул того же грузовика с крытым железным кузовом, мастер пришел, посмотрел сначала на меня, потом на лидера, который словно для информации, но с достоинством сказал:

— Сотни три перевез.

Мастер подошел к автомобилю, подписал какую-то бумагу, поданную человеком в гимнастерке. Переодевшиеся в черную одежду рабочие забрались через заднюю дверь в грузовик. Мастер отступил пару шагов в сторону, а когда дверь с зарешеченным окном, лязгнув замками, закрылась и автомашина тронулась в сторону шлагбаума, влобопота остановился рядом со мной и сказал:

— Завтра — к восьми часам, и так будет каждый раз.

Я высыпал песок из полуботинок и, отряхивая пыль с брюк, пошел к общежитию в мыслях о столовой.

После ужина, войдя в свою комнату, почти нос к носу столкнулся с парнем лет двадцати пяти, который, в ответ на мое удивление, заговорил:

— Я тоже здесь живу, но был в отпуске. Работаю электриком на заводе уже два года.

Я с пониманием кивнул, взял с подушки полотенце, подошел к раковине умывальника и, заметив, что на смесителе — два краника, обрадовался: «Значит, есть, наверно, и теплая вода. Дай бог».

Сосед по комнате, находясь у меня за спиной, спросил:

— Ты кирпичи из печи вывозишь?

— Угу, — ответил я с водой во рту.

Видя, что у меня ничего из вещей нет, он сказал:

— До тебя на твоём месте спал Поддубный и оставил босоножки. Вон они — под твоей кроватью, возьми их — там никакая другая обувь не подходит.

— Спасибо, — поблагодарил я, не оборачиваясь. Помывшись над раковиной до пояса и вытершись полотенцем, дошел до кровати, отбросил одеяло и одну простыню и, сонный от усталости, опустился в постель, хотя за окном было еще совсем светло.

Наутро, встав пораньше, умылся и, перед тем как идти в столовую, достал из-под кровати большие мужские ношенные босоножки из коричневого трехслойного кожзаменителя, еще не совсем потерявшего фабричный блеск. «То что надо, даже размер сорок шестой», — подумал я и взял их с собой.

Рабочих еще не было. Массивная металлическая дверь, за которой мы работали вчера, была открыта. Войдя, я поставил на одну из опрокинутых бочек босоножки, принесенные на двух пальцах, как на крючках, и услышал, что пришел грузовик. Мастер подписал бумагу, и рабочие вошли. Не поздоровавшись, они стали переодеваться. Я принял это за норму и отвечал тем же. Поскольку вчера на улице была жара градусов за тридцать и сегодня ожидалась такая же погода, решил снять рубашку.

В помещении было градусов пятьдесят, как и накануне. Лидер взглянул на меня голого и, никак не среагировав, продолжил натягивать потрепанные брюки. Второй рабочий посмотрел на мою худую фигуру, растянул улыбку и сказал мне и остальным:

— Иисус Христос!

Я промолчал и мысленно дал ему кличку Шутник. Третий мужик, худой и жилистый, криво ухмыльнулся, цокнул языком и отвел взгляд. Ему я дал кличку Доходяга, которая, в общем-то, подходила и мне. Ложась спать, иногда иронично обхватывал свою талию пальцами рук, и они на спине и животе почти сходились.

Повесив рубашку на держак метлы, стоящей у стены, взял с бочки свои босоножки и надел без носков, как мужики. Все трое молча отреагировали на это, признавая серьезность моих намерений.

Работа пошла по вчерашнему распорядку. Солнце с утра светило на нашу дверь под косым углом, и пока жары большой не было. Удивительно, но солнечные дни не прекращались уже больше месяца. С тех пор, как я приехал в этот город, не было ни одного облачного дня.

Рабочие не обедали. Так же поступать решил и я. Каждый час они делали пятиминутный перерыв и снова впрягались в работу.

Однажды ближе к обеду перерыв получился подольше. У мужика, которого я именовал Доходяга, порвался задник у босоножки (у всех троих они были не из кожзаменителя, а из полос толстой яловой кожи, давно почерневшей от избытка пыли). Он сел на край тачки, снял босоножку и оглянулся в поиске, чем бы ее починить. Лидер сказал:

— На чердаке есть провода, сходи возьми, — он показал рукой на проем в потолке в темной стороне тоннеля, откуда уже был вывезен кирпич. Там в стену были вмурованы железные скобы, видимо, в качестве пожарной лестницы. Доходяга предложил мне:

— Пойдем, если хочешь, посмотришь, что там.

Я пошел за ним, и мы влезли на чердак. Увиденное меня удивило. Вдоль всего чердака эллипсоидного здания проходила узкоколейка, на которой стояла вагонетка с мелким углем весом примерно в две тонны. От вагонетки к проему в крыше в дальнем торце здания тянулся трос к

нисходящему пандусу. Там, видимо, и нагружали уголь. С другой стороны вагонетки такой же трос тянулся к противоположному торцу чердака и крепился к барабану стоящей там ручной лебедки.

Проходя мимо вагонетки, мой спутник остановился, рваным башмаком отодвинул в сторону железную квадратную крышку площадью немногим более двух ладоней, и глазам открылось квадратное отверстие, такое я видел внизу, в потолке помещения, где мы работаем. В отверстии горел мелкий уголь, просыпанный в промежутки между поставленными на ребро кирпичами. Оказалось, что такие отверстия есть вдоль всего чердака, и коренастая женщина лет сорока в спецовке с плотным фартуком совковой лопатой черпала уголь из вагонетки и поочередно добавляла в каждое такое отверстие, поддерживая тем самым огонь. Когда по технологии обжиг завершался, она больше уголь не добавляла, и огонь гас. Остывший примерно до семидесяти градусов кирпич вывозили на тачках. Этот круговой ход огня по кольцевому тоннелю печи никогда не прекращался. За ночь в пустой и темной стороне тоннеля напротив выбираемого кирпича появился уложенный в штабеля кирпич-сырец, который я по ошибке принимал за обожженный.

Женщина работала, не обращая на нас внимания. Мой спутник нашел кусок мягкого телефонного провода, и мы пошли обратно. Внизу он починил свою обувь, после чего работа продолжилась.

Прошло недели три. Я медленно наращивал объем сделанного за смену, но не обходилось и без происшествий. Однажды в обеденное время, когда жара особенно усилилась, я, двигаясь с тачкой по ленте с непокрытой головой под палящим солнцем, почувствовал помутнение перед глазами и потерял сознание. Тачка повалилась на бок, уводя меня в ту же сторону. Я упал на песок без чувств.

Очнулся лежащим на спине, опираясь плечами о стену рядом с нашей распахнутой дверью. Приоткрыв глаза, видел, что трое мужиков катили тачки по ленте. Ко мне подошел мастер. Это насторожило и обескуражило меня. Я понимал, а он, думаю, знал, что меня, потерявшего сознание, рабочие подняли, принесли сюда и положили головой в тень, будучи уверенными, что мое плохое самочувствие непременно пройдет. К моему удивлению, мастер спокойно и в сочувственно сказал:

— Надо покрывать голову. — И добавил: — Малолетки у нас работают по шесть часов. Это закон. И с завтрашнего дня будешь заканчивать работу на два часа раньше, чем мужики.

С тем он, мимоходом взглянув на штабеля, видимо, прикидывая темпы их увеличения, пошел на свое рабочее место. Меня же сообщение, с одной стороны, обрадовало, но с другой — чувствовал неловкость перед мужиками. Я постарался подняться, что мне и удалось. Будучи недовольным собой, все же терпел, и единственное, что смог сделать после такого случая, это приобрести легкую матерчатую кепку для работы.

Прошло еще недели три. Я уже получил аванс и одну зарплату, купил пару рубашек, маек, носки и легкую ветровку на случай дождя, тем более что приближалась осень. Все обновки лежали на моей тумбочке, поскольку для рубашек в шкафу не было полок. сосед-электрик предложил мне взять ничейный, кем-то оставленный на шкафу чемодан, сказав:

— Бери его себе и складируй покупки.

Мне идея понравилась, и я переместил чемодан к себе под кровать.

Успехи в работе у меня были, аварии на ленте прекратились, нагрузкой тачки я все больше приближался к весу, посильному для Доходяги.

Как-то по дороге с работы встретил кадровичку, которая попросила зайти в отдел кадров следом за ней. Когда я вошел, она села за стол и, глядя не на меня, а в окно в сторону печи обжига, сказала:

— Тебе еще трудно справляться с таким тяжелым делом. Появилась возможность перевести тебя на более легкую работу, если ты согласен, конечно.

Я очень осторожно и застенчиво спросил:

— На какую?

— Будешь перегружать с улицы к стекольной печи кварцевый песок, который привозят, а в остальное время обслуживать участок закалки и обработки стеклоизделий. Нам дают еще десятерых таких мужчин, как те, с которыми ты работаешь (она имела в виду осужденных). Их будет достаточно и без тебя. А к стекольной печи им нельзя. Новая работа полегче, и зарплата неплохая.

Я столько проработал здесь и впервые услышал слова «стекольная печь». Не решаясь спросить, где и что это за работа, молчал. И она, чтобы нарушить это мое молчание, добавила:

— Ты согласен?

Я ответил: «Да», абсолютно не понимая, на что соглашаюсь. Она слегка приподняла завесу, добавив:

— Для стекольной печи самосвалом привозят кварцевый песок и сгружают под стену. Ты лопатой через проем в стене будешь закидывать его в помещение стеклопроизводства. А в свободное время — загружать и разгружать камеры закалки стеклоизделий.

Я удовлетворился разъяснением и еще раз кивнул головой в знак согласия, а она сообщила, что заявление на перевод писать не нужно, а только расписаться в приказе. И с завтрашнего дня можно идти работать на новое место.

Вторая новость тоже была неожиданностью. После ужина в комнате общежития я увидел еще одного нового человека. Электрик представил его:

— Это наш третий жилец.

Мы познакомились. Но особенно тронуло мою душу то, что у кровати новичка на его тумбочке стоял баян без чехла кнопками на грифе в мою сторону.

Самым сильным бальзамом в моей жизни служит музыка. Особенно баяна и аккордеона, да и гитарная, если играть хорошо. Симфоническую и всю оркестровую музыку я еще не понимал и не реагировал на нее, поскольку слушал в деревне только из черных картонных тарелок, установленных в избах после появления на улице столбов с проводами. Музыка из этих тарелок, особенно оркестровая, походила на скрип и никого не затрагивала, даже мою чувствительность. По моему глубокому убеждению, если бы я лежал предсмертным с последней каплей жизненных сил, а кто-то сел рядом и заиграл на баяне или аккордеоне, непременно привстал бы, как будто звуки музыки можно не только слышать, но и видеть.

Хозяин баяна работал пожарным на нашем заводе и, как выяснилось позже, еще подрабатывал на полставки, поэтому днями и вечерами, кроме выходных, в общежитии отсутствовал. А сейчас вернулся

из длительной командировки, связанной с пожарами. Теперь на полу между шкафом и его тумбочкой лежала пожарная брезентовая одежда, а сверху — каска с лентами для подбородка и фартуками для шеи и плеч. Вся эта экипировка пожарного меня не интересовала, ну а баян своим видом, не скрою, порой не давал заснуть. Баянисту было лет за сорок, и я стеснялся его о чем-либо расспрашивать, тем более что меня сдерживала в таких случаях моя врожденная скромность, каким-то образом уживающаяся с любознательностью и способностью слушать и понимать людей без расспросов.

На следующий день после завтрака я собрался идти искать свое новое место работы. Заглянул к кадровичке, которая пояснила:

— Зайдешь с другой стороны обжиговой печи, где ты работал, там есть пристройка, войдешь в дверь к стеклодувам, спросишь дядю Васю и скажешь, что я прислала, он уже знает.

Она говорила со мной на украинском языке. Но поскольку моя деревня в Белоруссии находилась всего в шести километрах от границы с Ровенской областью Украины, где местные наречия хоть и отличались друг от друга, но состояли из белорусских, украинских, русских и польских слов, то я полностью понимал и даже воспринимал ее речь как что-то более родное, чем слова тех, кто говорил на русском языке.

У пристройки меня встретил мужчина лет пятидесяти и спросил:

— Ты от кадровички?

— Да,— ответил я.

Дядя Вася, а это был он, оказался настоящим колоритным запорожским казаком. Его сероватая шевелюра с макушки распадалась во все стороны, как трава на болотной кочке, и была пострижена под горшок. Топырящиеся под носом белые усы по краям, как клинышками, свисали вертикально вниз, слегка прикрывая уголки рта. Рубашка-косоворотка, расстегнутая на три пуговицы сверху, обнажала на богатырской груди кучерявую поросль. Брюки из тонкой ткани, подпоясанные плетеным поясом, собирались внизу вокруг щиколоток то ли шнурком, то ли резинкой.

— Пойдем со мной, — сказал он и повел меня в пристройку.

Я увидел помещение с высоким потолком, походившее на большой цех. Посередине стояла огромная круглая, как бадья, стеклоплавильная печь, из крышки которой в потолок тянулась вытяжная труба. Вокруг печи — крепкий дощатый помост шириной с метр, огороженный металлическим парапетом, который представлял собой лежащую на столбиках из стальных прутьев блестящую трубу толщиной с полтора дюйма. В четырех местах вокруг бадьи парапет прерывался на метр, где находились ступеньки для спуска с помоста. Переведя взгляд на стену этой круглой бадьи, я увидел в ней проемы, похожие на маленькие арочные окна-устья. Где-то под печью гудели струи пламени, бьющие из форсунок.

Я заглянул в одно из устьев и увидел в котле бадьи раскаленную бело-желтую массу, чуть булькающую, как закипающее варенье. Вокруг на полках и в ящиках на полу стояли отлитые вазы, кувшины, бутылки и другие изделия, на которых были еще не заглаженные края. Дядя Вася глазами указал на четырех человек, стоявших каждый у своего устья, и сказал:

— Это наше стекольное производство и наши лучшие и единственные специалисты!

— А он наш лучший мастер, — услышал я от стеклодува, который крутил в руках металлическую трубку.

— Не суть важно, — парировал дядя Вася и снова обратился ко мне: — Познакомишься со всеми чуть позже, а сейчас пойдем, покажу тебе твою работу.

Я шагнул за ним в одну из боковых дверей и оказался в предбаннике, из которого на улицу выходил проем в стене метра полтора высотой и метр шириной.

— Видишь? — спросил дядя Вася.

— Да, — ответил я.

— Теперь пойдем дальше.

Мы вышли на улицу, и он подвел меня к тому же проему, только с наружной стороны здания, и сказал, показывая рукой под ноги:

— Сюда привозят самосвалом песок для печи и выгружают. Твоя задача — лопатой забросить его через проем внутрь помещения, а там уже с ним расправятся стеклодувы и их помощники.

Под ногами действительно было широкое круглое пятно из белого песка.

— Машины приходят не часто, но как только придут и выгрузятся, надо приступать к делу. Они приходят не по графику, а как получится, поэтому надо быть наготове.

Я все время кивал, что согласен. Напоследок он добавил:

— А теперь о другой части твоей работы, — и повел меня через помещение в следующее, где у одной из стен стояли открытые и закрытые печи для закалки изделий из стекла.

— Здесь нужно работать, когда нет машин. Процесс такой: будешь брать изделия от стеклодувов, перевозить сюда и загружать в печи для закалки. Отожженные, под контролем технолога, — подчеркнул он, — будешь выгружать и отвозить, куда скажут. Все тонкости завтра объяснит тебе технолог. А теперь ты свободен и можешь идти в общежитие.

— Нашел место работы? — спросила случайно встретившая меня кадровичка.

— Да.

— Мастер дядя Василий все пояснил?

— Да.

— Ну, зайди еще на минуту, — пригласила она.

— Эта работа намного легче. На той ты мог бы доработаться до какой-нибудь болезни, — тепло посмотрела она на меня.

Мысленно я соглашался, но молчал. Она продолжила:

— Вот поработаешь до осени, а там переведем в ученики стеклодува. Вырастешь хорошим специалистом. А там подойдет время получить паспорт, да и в трудовой книжке появится разряд стеклодува.

Во мне бушевала радость от слов «паспорт», «разряд стеклодува» и от того, что я приближаюсь к своей великой мечте — стать рабочим и городским человеком. Не ожидая от меня слов в ответ, она пожелала удачи и отпустила. От волнения я не знал, куда идти: в свою комнату, где еще никого не было, поскольку рабочий день не закончился, или куда-нибудь прогуляться на радостях. Мне казалось, что у меня растут крылья за спиной и я могу на них взлететь.

Утром, позавтракав, я вовремя был у проема в стене. Дядя Вася пришел тоже. Видя, что я не решаюсь приступить к работе, он показал рукой на ту дверь, в которую вчера входили, и сказал:

— Справа за дверью совковые лопаты, выберешь себе поудобнее. А пока можешь зайти к стеклодувам и оглядеться. Скоро придет технолог и все расскажет в деталях.

Мысль о возможности постоять у стеклодувов порадовала, и я пошел к ним. Все тут вызывало у меня интерес. И прежде всего — работа стеклодува. Стоя перед своим устьем, он макал конец длинной металлической трубки в жидкое стекло и вынимал на нем прозрачный шарик. Вращая трубку, он начинал дуть в ее противоположный конец, отделанный деревянным наконечником, как духовой инструмент мундштуком. Шарик на конце трубки увеличивался, и стеклодув, положив трубку серединой на ограду помоста, вращал ее левой рукой, не давая жидкому стеклу стать каплей и под своей же тяжестью сорваться на пол. Довольно часто он подводил облицованный деревом конец трубки ко рту и снова дул, увеличивая объем стеклянного шара. Затем ногой нажимал некую педаль, после чего открывалась форма, в которую он вставлял шар, вращая трубку. И форма захлопывалась. Дым и немножко пламени вырывались из щелей формы, а когда вскоре она открывалась, на поднятой трубке уже было изделие с четкими очертаниями.

Часам к десяти пришел технолог. Коротко переговорив с дядей Васей, обратился ко мне:

— Пойдем, — и указал рукой на помещение, где стояли печи для закалки и свистящие станки.

В углу находился его небольшой столик, к которому он придвинул посетительский стул, и я присел. Он начал объяснять, как и для чего работают печи и свистящие станки, поскольку, по его словам, я буду обслуживать и их. Я слушал внимательно, и это он оценил. Завершая, довольно теплым тоном сказал:

— Пойдемте в кладовую, помогу подобрать спецодежду.

Душа моя переполнилась чувством благодарности.

Так изо дня в день потекла моя новая приятнейшая и совсем нетрудная, а еще, можно сказать, познавательная работа.

Заканчивался август. В субботу вечером наш пожарный взял баян, что очень редко случалось, вышел из общежития, сел на скамейку под деревом и растянул меха. В воздух полились мило звучащие мелодии. У скамейки стали собираться люди, наверное, в первую очередь работавшие тут и жившие в бараках. Скоро все начали танцевать. Это были в основном молодые семьи, мужья с женами, и даже несколько детей бегали среди танцующих. Я смотрел на все это из комнаты в окно и заметил, что к танцующим подошла красивая девушка моего возраста. Я тоже вышел из общежития и стал рядом. Когда мелодия закончилась, не дожидаясь следующей, спросил, улыбаясь:

— Вы танцуете?

— Да, — не скрывая удовольствия, скорее всего, потому, что появилась напарник по возрасту, сказала она и повернулась ко мне.

Когда снова зазвучала музыка, я протянул к ней руки. Она подняла улыбающееся лицо, положила мне левую руку на предплечье, и мы вошли в круг. Моими самыми любимыми занятиями были танцы и плавание, чему я хорошо научился в деревне с пяти лет и мог заниматься этим, казалось, бесконечно. Девушка тоже танцевала хорошо. Но в отличие от меня кружиться в вальсе лихо, чуть ли не на взлет, не умела,

поэтому я сдерживал свой порыв, тем более что в медленных движениях гораздо удобнее было разговаривать.

Ее звали Эмма. Мы разговаривали о баянисте, его исполнительском мастерстве, о жаркой погоде при отсутствии поблизости речки или озера для купания. Я избегал тем, относящихся к роду моих занятий, поскольку для меня это было явно нежелательно. Танцы закончились, и я перед тем, как проститься, спросил, придет ли она сюда на танцы завтра, в воскресенье. Она пообещала прийти обязательно, и мы расстались, отойдя метров десять от танцплощадки. Я провожал ее взглядом, пока она не приблизилась к свету, падающему из окон барачков.

Баянист ничего, кроме благодарности, не ждал. Войдя в общежитие, он поставил инструмент на тумбочку и, не раздеваясь, прилег на кровать, закинув руки под голову. Электрика в комнате не было. Как всегда немногословный, я тоже лег спать.

Воскресное утро радовало ясной солнечной погодой, и я решил днем прогуляться по городу. Пройдя по брусчатке улицу Канатную и оказавшись на бульваре, сел в трамвай и вышел в центре города. Произвольно выбрав направление, вскоре поравнялся с каким-то большим зданием с колоннами и широким крыльцом, имевшим с десяток ступенек. Красивая, с художественными переплетами и остеклением в верхней части, дверь была приоткрыта, и я поднялся в здание. Широкое пространство вестибюля в отсутствие людей усиливало звуки моих шагов, что настораживало, но любопытство вело вперед. На стенах длинного коридора, удалявшегося вглубь, висели огромные плакаты в основном на спортивные темы. Пройдя немного, я услышал за одной из дверей глухие удары о пол и голоса. Приоткрыв дверь, застыл от удивления. В огромном спортивном зале, устланном широкими ватными матрасами, девчонки и мальчишки лет шестнадцати учились делать сальто, то есть кувырки через голову с разбега. Ими занимались два тренера. Я не увлекался спортом и не верил в его пользу, но, глядя на ребят почти своего возраста с красивыми фигурами и явно уже добившихся спортивных успехов, позавидовал им и в мыслях даже упрекнул себя за прежнее равнодушие к спорту.

Насмотревшись вдоволь, я прикрыл дверь, вышел на улицу и решил пойти на Комсомольский остров на пляж, где провел немало ночей. На пляже была уйма народу. Люди купались, играли в волейбол, ели мороженое, заразительно смеялись. Пройдясь по пляжу, я увидел, что на свободной площадке с глубоким сухим песком такие же прыжки с кувырканием делают как бы на показ публике девушки и парни. Удивляясь и любуясь, подумал, что они из той команды, что в спортзале. Окружавшее радовало меня. Из разговоров узнал, что мост этот через Днепр единственный в Европе имеет боковой изгиб полотна над водой. Нагулявшись и искупавшись, вернулся в общежитие, а после обеда сидел на кровати и перелистывал цветные журналы, восполняя свои скромные познания в вопросах истории, культуры и разного промышленного производства.

К вечеру, когда начало слегка смеркаться, баянист взял свой инструмент и отправился к скамейке. Люди, как и вчера, быстро заполонили площадку. Я тоже вышел и через минуту увидел, что от барачков идет Эмма.

Она подошла прямо ко мне, как к знакомому, что льстило и очень радовало. Весь вечер мы протанцевали, а когда баянист в конце в шутку заиграл марш «Прощание славянки», я взял ее под руку и сказал, что хочу проводить. Эмма согласилась. С замиранием сердца смотрел на ее светлые золотистые волосы, на радостное лицо с чуть вздернутым носом и едва сдерживал восторг, стесняясь его обнаружить. На ней было белое с полуоткрытыми плечами платье, на ткани которого почти искрились узкие штрихи, как будто на нее брызнуло косым синим дождем. На ногах — белые босоножки с золотистой полоской на каблуках и такой же золотистой пряжкой на ремешке. Мы шли не спеша, погружаясь в темноту. Оказавшись перед бараками, из окон которых лился свет, я увлек ее без обсуждения за здание, где было темно. Думалось, что там никто не нарушит наше уединение. Эмма была не против. В темноте мы стояли очень близко и разговаривали, желая узнать побольше друг о друге.

Я выяснил, что она приехала из Ленинграда в гости к тете, проживающей в этом бараке на втором этаже, и что ее мать работает учительницей в школе, а отец — инженером на судостроительной верфи, она сама учится в восьмом классе и сейчас — на каникулах, еще очень любит кино, поэтому по выходным ходит в кинотеатры, а после школы обязательно станет врачом.

О себе почти ничего не говорил, а когда в окнах начали гаснуть огни и кто-то из жильцов, возвращаясь домой, загремел ногами по деревянной лестнице на второй этаж, я ради защиты нашего уединения предложил ей пройти еще дальше за барак, где было совсем темно. Густой бурьян источал приятный запах каких-то цветов. Я держал ее за плечи, рассказывая о Белоруссии, ее лесах, реках, лодках, речных цветах, болотах, аистах. Она слушала с упоением.

— Кем ты работаешь? — спросила Эмма, когда я чуть прижал ее к себе, и она не сопротивилась сближению. На секунду почувствовал неловкость и задумался. В моем сознании работа по вывозу кирпича, да и по перевозке стеклоизделий слишком невыгодно контрастировала с ее положением, не желая плохо выглядеть в ее глазах и молниеносно сообщая, что ответить, я вспомнил обещание кадровички и заявил:

— Стеклодувом.

Эмма от радости даже приподнялась на цыпочки, и ее лицо поравнялось с моим. Пока поцелуй длился, я обнял ее и притянул еще ближе к себе. От нахлынувших чувств кружилась голова, и казалось, рухну, но ее рука, гладившая мои плечи, придавала силы.

Когда в темноте мы отвели лицо от лица, не расслабляя объятий, она сказала, что у тетиной соседки видела очень красивых стеклянных рыбок, птичек и цветы, сделанные их знакомым стеклодувом, и спросила с надеждой:

— Ты сможешь сделать мне такие же?!

Оказавшись в плену сказанного, я произнес нежно, но твердо:

— Конечно!

С этим снова утонул в поцелуе, нежно прижимая Эмму к себе. После поцелуев тему разговора сменили. Она сообщила, что завтра уезжает домой в Ленинград, поскольку через три дня первое сентября и надо быть в школе. Билет взят, и завтра днем — на вокзал. Затем спросила:

— Ты днем работаешь?

— Да, — ответил я, и это значило, что не смогу проводить ее на поезд. Находясь доверчиво в моих объятьях, она весело продолжила:

— Я на осенних каникулах обязательно приеду! Ты к этому времени сделаешь мне рыбок, птичек и цветы?

— Конечно, — пообещал я, продолжая целовать девушку. Сердце мое учащенно билось, и мысли теряли контроль над происходящим. Казалось, я был в облаках, и жарко повторял мысленно и вслух ее имя: «Эмма!»

Неизвестно, сколько бы мы еще так стояли, если бы на втором этаже барака в коридоре далеко уже за полночь не послышались шаги.

— Наверно, тетя меня ищет. Пойдем домой? — сказала Эмма.

— Да, — ответил я и опять нежно и крепко обнял ее и снова поцеловал.

Мы вернулись к углу барака, откуда был виден подъезд, освещенный лампочкой над дверью. Отпуская девушку, я тихо произнес:

— Иди, я прослежу, чтобы все было в порядке.

Она оценила это, задержалась в прощальном поцелуе и, глядя мне в глаза, счастливым голосом пообещала:

— Я обязательно приеду, пятнадцатого ноября! — и спросила: — Ты будешь меня ждать?

Этот вопрос взволновал, как клятва в любви и верности, и почти потряс меня. Я ответил искренне и твердо:

— Конечно!

— Поезд приходит днем, я к вечеру приду туда, где мы танцевали. Ты увидишь меня в окно, выйдешь и подаришь рыбок, птичек и цветы, хорошо?

— Хорошо, — ответил я, почувствовав, как защемило в сердце.

— Я обязательно приеду! — Эмма, помахивая рукой, пошла к подъезду и скрылась в дверях.

Ошеломленный и неспособный осознать, что со мной происходит, я подождал, пока станут не слышны ее шаги по лестнице и коридору второго этажа барака, и медленно пошел в общежитие, испытывая горькое чувство из-за своего обмана.

Проходили дни. С работой я справлялся, и это радовало. За короткое время многое узнал от работников, занятых производством стеклоизделий, и особенно интересной и волнующей мне казалась работа стеклодува. В цехе ко мне относились уважительно, и в отделе кадров, видимо, тоже, так как иногда, встречаясь с кадровичкой, я замечал на ее лице доброе выражение и легкую улыбку.

Прошел сентябрь. В начале октября, все сильнее чувствуя горечь из-за неправды, сказанной Эмме, я нетерпеливо ждал перевода в ученики стеклодува. Надежда выправить положение не покидала меня. А в конце октября, помня, что пятнадцатого ноября она приедет, и испытывая растущее сожаление о лжи, трудно совместимой с моими убеждениями о добре и зле, я решил как бы случайно зайти в отдел кадров и спросить, не переведут ли меня вскоре учеником стеклодува. Кадровичка от неожиданности улыбнулась больше обычного и ответила:

— Переведем, не спеши. Мы тебе скажем когда.

Я ушел не то чтобы обрадованный, но пока без крайней тревоги.

Еще одним из моих увлечений на работе было наблюдать в свободную минуту за тем, как на почти бесшумных станках острым углом мокрых абразивных кругов, вращающихся с невероятной скоростью,

женщины нарезают на вазах, графинах, фужерах разные орнаменты, рисунки веток, листьев, профили девушек и другие картинки, украшающие изделия. Все эти изделия проходили через мои руки, я их забирал от стеклодувов, помещал в печь для закаливания, после вез либо на торцовку на каменные круги, либо для нарезки узоров и прочих рисунков.

К концу октября меня все сильнее стал давить грех обмана, который допустил с Эммой. Беспокоило, что к ее приезду я еще не стану учеником стеклодува и неправда вскроется.

Подошло первое ноября. Скрывая тревогу, опять зашел в отдел кадров и спросил о переводе в ученики стеклодува, но в ответ получил те же успокаивающие заверения.

Ночью я долго не мог заснуть, все искал решение, но достойного выхода из сложившейся ситуации не находил.

Как-то один стеклодув попросил меня помочь ему поднести коробки в раздевалку к шкафчику, где он переодевался. А когда открыл дверцу шкафчика, увидел на полке для головных уборов сделанные из цветного стекла рыбок, птичек и цветы, о которых говорила Эмма. Я понял, что их сделал он сам, и увиденное обернулось мыслью, что можно у него эти поделки попросить, чтобы подарить Эмме как свои. Но логика мыслей стрелой вонзилась в вероятность, что тетя Эммы может рассказать кому-либо из жильцов барака, среди которых были и стеклодувы, что ее племяннице такие красивые изделия подарил ее парень, молодой стеклодув, и все сразу догадаются о моем вранье. Я бы от этого сгорел со стыда. И вряд ли уже смог бы показаться на работе. И это будет еще большим враньем, чем то, которое я уже допустил.

Прошла еще неделя. Я видел, как два других стеклодува, закончив основную работу, отливали тоже по несколько таких же фигурок, видимо, в подарок кому-то. И мне трудно было оторвать взгляд от этого процесса.

Помнил, как Эмма обрадовалась, услышав, что я стеклодув и сделаю для нее такие фигурки. Моя горечь становилась все тяжелее, порой до боли сдавливало в груди.

До ее приезда оставалось три дня. Назавтра, почти в отчаянии, я даже решил опоздать на работу, чтобы утром встретить кадровичку в надежде, что она чем-нибудь поможет. Но она, поравнявшись со мной, возможно, даже заметила мою озабоченность, но как всегда, слегка улыбаясь, поздоровалась кивком головы и прошла мимо.

Мое опоздание в цеху замечаний не вызвало, и, отработав день, я лежал на кровати, подавленный, словно с высокой температурой. На следующий день такой же мрачный работал в замедленном темпе, как сонный. Назло мой синий халат чаще, чем раньше, цеплялся за ящики, вызывая звон стеклоизделий. Это злило меня, но критики со стороны технолога и других работников не вызывало.

Завтра приезжает Эмма! Эта мысль будто парализовала меня. После работы мне идти в общежитие не хотелось. Я медленно обошел длинную печь обжига кирпича, где рабочий день тоже закончился, прошагал вдоль штабелей кирпича в сторону шлабгаума и, чтобы не приближаться к общежитию, направился в центр территории завода. Посмотрел на три серых дощатых барака с распахнутыми дверьми. Это только усугубило мое состояние. Но главное, что на фоне бараков я абсолютно четко, яркой картиной, увидел во весь рост Эмму! Счастливо улыбающуюся,

с золотистыми густыми волосами, в белом, оголявшем плечи платье, на которое будто брызнуло косым синим дождем. Ее образ вызвал в душе острую боль. Я едва сдерживал слезы.

— За что я тебя так?! — звучал во мне упрек самому себе.

Не в силах переносить нахлынувшие чувства, я отвернулся от барачков и медленно, как будто через силу, пошел к общежитию.

Вечерело. В комнате сел на кровать и снова задал себе один и тот же вопрос: «Что делать?!»

Вынести позора я не мог. Кровь стучала в голове. Мои нежные чувства к Эмме не угасали, но казались изгаженными, словно дегтем. Осознание своей вины давило прессом. Какой-либо возможности исправить такое положение не находилось. Выхода не было.

Я достал из-под кровати поцарапанный чемодан, поставил на тумбочку, открыл и стал бросать в него все пожитки, включая мыльницу и зубную щетку, босоножки сменил на полуботинки, в которых сюда приехал, опустил крышку и защелкнул замки. В душе все горело от напряжения. Накинул ветровку, ощупал наличие в кармане кошелька, взял чемодан и, бросив взгляд в густеющую темень за окном, вышел за порог. Оставив включенным свет, я прикрыл за собой дверь и на полуватных ногах зашагал в сторону шлагбаума к выходу.

В здании вокзала почти никого не было. Присев на деревянную скамейку в зале ожидания, снова и снова пытался объективно оценить свое решение уехать, чтобы избежать стыда. В сознании проплыли и давили друг друга и мою душу картины: все поиски работы по объявлениям, все огорчения из-за отказов, все ночевки где придется, кирпичный завод и тяжелый труд с тачкой и, наконец, новость о выдаче паспорта и перспективе стать настоящим рабочим в стекольном цеху. Добавляло терзаний и мое сильное желание стать стеклодувом, и не просто шанс, а самая настоящая гарантия им оказаться.

И все это я одним решением уехать перечеркиваю, теряю. Из-за чего? Только из-за одного слова лжи! Голову сдавило, перед глазами возникали темные пятна. «И куда теперь?! — не отпускала мысль. — Что ждет меня?!»

На этот тяжелейший клубок вопросов и сомнений, терзавших душу, где-то в ее глубине, как противовес, теплилась лишь одна сиротская, но очень необходимая для меня мысль, что я все же избегаю того невыносимого позора, который настиг бы после одного радостного, ничего не подозревающего взгляда Эммы.

Эта мысль оправдывала и помогала сохраниться устойчивости душе. Я встал со скамейки, взял чемодан и, изучив схему движения поездов из Днепропетровска, что размещалась на стене, решительно вышел на перрон. Но тут мой богатый опыт помог отыскать на путях товарный поезд, залезть на крышу одного из вагонов, ощутить знакомый горьковатый запах копоти и паровозного дыма, а затем уехать, еще совершенно не зная куда.